

АВТОР И ПОЭЗИЯ

В.В. Гришин

ФИЛОСОФИЯ ПОЭЗИИ: ИСТОРИЧНОСТЬ И ПРЕДВИДЕНИЕ

Аннотация. В статье рассматривается поэзия как одна из возможностей раскрытия историчности-временности бытия посредством метафоры, акцентируются гносеологические преимущества поэтической метафоры. Поэзия предстаёт как отражение духа народа, его истории и восприятия бытия в целом и природы в частности. Раскрываются особенности западного, восточного и русского типа поэтического мировосприятия, поднимается прогностический аспект поэзии. Провидческая сторона поэзии выступает в единстве с её онтологической составляющей: поэзия есть раскрытие самого бытия, переживание истории бытия. Выявляется взаимосвязь между переломными, кризисными моментами истории и бытия и прогностическими возможностями поэзии и отрицается мистицизм поэзии. Прогностическая сторона поэзии неотделима от её гражданственности и гуманизма.

В качестве методов исследования, помогающих раскрыть историчность поэзии, её онтологическую и прогностическую стороны, используются диалектический и феноменологический.

Делается вывод, что поэзия не просто передаёт ощущение времени, но и личностную позицию поэта, его оценку времени и истории. Отмечается, что в годы стабильности поэзия находится как бы в тени литературы, на первое место выходит проза, но во времена перемен поэзия заполняет многочисленные аудитории от кафе до стадионов, её ритм созвучен ритму слушателей и времени.

Ключевые слова: Запад, бытие, предвидение, мировосприятие, гуманизм, метафора, философия, поэзия, Восток, Россия.

Abstract. In this article the poetry is considered as one of opportunities of disclosure of historicity and temporariness of human existence by means of a metaphor and gnoseological advantages of a poetic metaphor. The poetry appears as the reflection of spirit of the people, their history and perception of existence in general and nature in particular. Features of the western, eastern and Russian types of poetic attitudes are revealed, the predictive aspect of the poetry is underlined. The predictive aspect of the poetry is studied from the point of the unity of its ontologic component: the poetry is the disclosure of existence and experience of the history of human being. The interrelation between the turning, crisis points of history and existence and predictive opportunities of poetry comes to light and the poetry mysticism is denied. According to the author, the predictive role of the poetry is inseparable from the civic consciousness and humanism. The main research methods used by the author to reveal the historicity of the poetry and to describe the ontological and predictive aspects of the poetry include dialectical and phenomenological methods. The author concludes that the poetry does not simply transfer the feeling of time but also conveys the personal position of the poet, his or her evaluation of the time and history. It is noted that in better times the poetry stays in the literature shadow and the prose comes out on top, but at the time of changes the poetry gathers numerous audiences in cafes and stadiums because poetic rhythms are conformable to the rhythms of listeners and time.

Key words: Russia, East, West, existence, prediction, world perception, humanism, metaphor, philosophy, poetry.

Мировосприятие: поэтическая метафора и историческое бытие

Мировосприятие исторического бытия «родом» из детства, когда маленький человек, ребёнок, в процессе личностного формирования делает робкие попытки осмыслить реалии бытия жизни и зафиксировать к ним некое собственное отношение. Мировосприятие включает в себя не только комплекс

ощущений и воображения, но и работу памяти и интуицию. Историческое бытие в восприятии человека обретает как окраску, звук и темп, так и осмысление, правда, на уровне эмоций и рассудка. Поэтому история в восприятии человека всегда есть история живая, конкретная и синкретичная, лишённая любых абстрактных схем, да и абстракции в целом. Мировосприятие исторического бытия, в отличие от его рациональной теоретизации, отличается чи-

стота, чистота в том смысле, что здесь человек ещё может быть свободным от навязанной свыше картины мира или идеологии.

Само историческое бытие, куда мы отнесём всё разнообразие природно-социального мира с его духовно составляющими образами, зарождалось через деятельность человека. На заре развития человечества чувственность играла решающую роль, разум ещё не приобрёл своей циничной формы, а мир человека был адекватен природному миру. Именно в это время из одного корня – восприятия – возникают метафора и поэзия. Поскольку восприятие рождается чувственным миром человека, который сам порождён бытием, отсюда метафора и поэзия есть подражание сущности природы и соответственно сущности человека, о чём говорит, например, Аристотель в «Поэтике» [1, с. 646].

Поэзия есть поэтическое раскрытие восприятия времени, здесь воображение так же значительно, как и чувственные ощущения. Поэзия есть мировосприятие поэта в том смысле, что поэт, а впоследствии и его читатель, посредством поэтического текста ощущают-воспринимают другого (человека), общество, бытие в целом и его историчность-временность. Аристотель утверждал, что «задача поэта – говорить не о том, что было, а о том, что могло бы быть, будучи возможно в силу вероятности или необходимости» [1, с. 655]. Поэты ещё не изведенное и не раскрытое, логически не оформленное или, напротив, подзабытое, выводят из тени бытия на яркий, как у Платона, солнечный свет, первые осваивают проявившуюся на свету грань бытия посредством метафоры. Отсюда получается, что метафора гносеологична, о чём, например, пишет Х. Отрега-и-Гассет: «Мы нуждаемся в ней не просто для того, чтобы найдя имя, довести наше имя до сведения других – нет, она нужна нам для нас самих: без неё невозможно мыслить о некоторых особых, трудных для ума предметах. Она – не только средство выражения, но из основных орудий познания» [2] Добавим от себя, что метафора нужна не только для того, чтобы мыслить о «трудных для ума предметах», но и просто мыслить.

Итак, детство человека и человечества начинается с освоения мира, и главным инструментом освоения становится метафора. С помощью метафоры можно не только найти сходство столь различных на первый взгляд, предметов, но и различие и тем самым новую, неизведанную ранее грань бытия. Например, в поэзии серебряного века метафора строилась на отождествлении или сближении схожих явлений, в основе которых было очевидное сходство по форме, звуку, цвету (т.е. по ощущениям):

*Я помню этот мир, утраченный мной с детства,
Как сон непонятый и прерванный, как бред...
Я берегу его – единое наследство
Мной пережитых и забытых лет.
Я помню формы, звуки, запах... О! и запах!
Амбары тёмные, огромные кули,
Подвалы под полом, в грудях земли...
Я помню этот мир. И сам я в этом мире
Когда-то был как свой, сливался с ним в одно...
(В. Брюсов) [3, с. 17]*

Человеческая мысль на заре рождения ещё не умела выразить адекватно окружающий мир. Язык, в виду отсутствия строгих определений, не мог определить вещь, исходя из самой вещи. Человек стал сравнивать одно явление с другим, применяя уже известные слова и символы, которые также зародились во многом в силу недостатка научных терминов. Так и появилась метафора. «Метафора для подлинного поэта – не риторическая фигура, но замещающий образ, который действительно носит-ся перед ним, замещая понятия. Характер для него не есть некоторое, сложенное из отовсюду подысканных черт, целое, но навязчиво живущее перед его глазами живое лицо, отличающееся от подобного же видения живописца лишь непрерывностью его дальнейшей жизни и дальнейшего действия... В сущности, эстетический феномен прост; надо только иметь способность видеть перед собой живую игру и жить непрестанно окружённым толпою духов – при этом условии будешь поэтом» [4, с. 83].

Метафора, как уже отмечалось, есть порождение чувственного мира, это неразрывная связь человека с бытием, истории с настоящим. Человеческое сообщество посредством метафоры выступает как единое целое, а «я» поэта – в роли «мы»:

*Сегодня в кустах сирени поставили умывальник
Действительно я могу сказать
Я умывался кустами сирени
Под абрикосовым деревцем
Шевелится ящик с бутылками – воистину
Потому что шевелилась тень дерева
Порхала бабочка над капустой –
порхала разноцветная капуста
и в какой-то мере порхали мы все
метафора – тёмная бабочка
адресат и есть отправитель
мной написаны ваши стихи.
(Г. Сангур) [5, с. 392]*

То, что метафора не есть точное определение, имеет позитивное значение в житейском смысле: в мировосприятии человека формируется целостная картина мира. Научное мышление в некоторой

степени разрывает гармоничную связь человека с миром, редуцирует бесконечное разнообразие мира к строгим научным терминам, соединяя слово и истину. В действительности же многие научные термины, схватив суть бытия, тут же начинают её отпускать. Изменяющийся многомерный мир не даёт возможности заковать себя в строгих научных определениях. Атом, некогда самый маленький неделимый элемент, стал впоследствии целым микромиром. Однако термин «атом» превратился в метафору. Вездесущие научные исследования создают направления и отрасли науки, но соединить их в единое целое без метафор невозможно. И, наконец, к метафоре прибегает и наука (например, психология, антропология, физиология, история, филология, философия и др.). Поэтому научное мировоззрение является дискретным, неполным. Отсюда и пессимизм К. Яспера по отношению к абсолютизации научного метода: «Учёные ищут естественную систематику, заключённую в самих вещах: систему законов природы из одного принципа, систему форм действительных вещей, систему психических и общественных сил и т.д. Истинная система означала бы достигнутое окончательное познание соответствующей предметной области. Поскольку такой системы не находят нигде, но она всегда остаётся бесконечной задачей, науки находят всякий раз только относительную систему, которая между произвольным наружным порядком вещей и утопической мыслимой предельной системой предмета представляет собой приближение по пути к этой последней. Но если с появлением системы легко может возникнуть обманчивая уверенность в том, что мы овладели окончательным познанием, то всё-таки научное познание во всякой своей системе имеет дело лишь с некоторым опытом, который оказывается у него в руках как его полезное средство. Вместо того, чтобы подчинять себя системе, познание науки посредством не знающей эмпирического завершения проверки этой системы до бесконечности видоизменяет её» [6, с. 302-303]. Научное мировоззрение сковывает человека, делает рабом системы, заводит научную мысль в тупик. Метафора же, напротив, разрывает систему, освобождает человека от её пут.

Поэзия открывает чувства человека, очищает поры его души, человек получает полную свободу. Поэтому поэты часто вступают в конфликт с властью, государством. Этим объясняется то, что Платон ратовал за введение цензуры в его проекте идеального государства. Так как человек, освободившийся от гнета «сверх-я», в восприятии мира открыт бытию, «разомкнут», по словам С. Хоружего, то его сенсорные способности активизируются, чувственность обостряется и запускается механизм

интуиции. Человек без слов понимает другого: «Посмотришь на русского человека острым глазком... Посмотрит он на тебя острым глазком... И всё понятно. И не надо никаких слов» [7, с. 386].

Поэзия: человек и природа

Поэзия раскрывает дух народа, его мироощущение и мировосприятие. В.Г. Белинский отмечает: «Чем выше поэт, тем больше принадлежит он обществу, среди которого родился, тем теснее связано развитие, направление и даже характер его таланта с историческим развитием общества» [8, с. 121]. Поэзия и есть дух народа, часть его истории. Д. Судзуки сравнил восточную поэзию с западной, чтобы выявить различия мировосприятия восточного человека и западного. Он приводит отрывок стихотворения Басе и Теннисона:

*Внимательно взглядишь!
Цветы «пастушьей сумки»
Увидишь под плетнём!*

(Басе)

*Взросший среди руин цветок,
Тебя из трещин древних извлекаю,
Ты предо мною весь – вот корень, стебелёк
здесь на моей ладони.
Ты мал, цветок, но если бы я понял,
Что есть твой корень, стебелёк,
и в чём вся суть твоя, цветок,
Тогда я Бога суть и человека суть познал бы.*

(Теннисон) [9, с.6-13].

Здесь очевидно активистское мировоззрение человека Запада и созерцательное – человека Востока. Д. Судзуки подкрепляет свои доводы философией Лао-Цзы и Чжуан-Цзы и раскрывает созерцательность человека Востока: он любит жизнь, как она есть, и не хочет превращать её в средство для достижения чего-то другого; он любит труд как таковой и наслаждается процессом ручного труда; механизмы и машины таят в себе зло и необходимо быть предельно осторожным во время обращения с ними. Западный человек, перенеся труд на машину, оказался в трудном положении психологического противостояния [9, с. 6-13]. Машина ограничила его свободу. Человек Востока воспринимает миропорядок как гармонично установленный, его отношение к природе – уважительно-созерцательное. Западный человек, напротив, находится с природой в субъектно-объектных отношениях, он утилитарно относится к ней, создавая пропасть между нею и собою. Если природа часть бытия, то человек явно не заботливый её «пастух», а, скорее, субарендатор.

В России взаимоотношения человека с бытием, с природой имеют свои особенности. Русский человек не рассматривает природу отчуждённо, как на Западе, и не созерцает её красоту, как на Востоке, он неразрывно связан с природой. В России языческие пантеистические традиции глубоко проникли в христианство, повлияли на мировосприятие человека и русскую философию. П. Флоренский увидел в поэзии символистов родство с русским фольклором, с частушками. Другими словами, народная поэзия, идущая из глубины веков, из исторического бытия проникает в поэзию авторскую и заново осмысливается в соответствии с особенностями своего времени.

Контрастная природа, смена времён года, во многом компенсировали пессимизм мироощущения русского человека. Именно в природе человек видит вечность:

*И над моей могилой
Взошёл тростник большой,
И в нём живут печали
Души моей младой.*

(М.Ю. Лермонтов. *Тростник*) [10, с. 309]

Знаменитый пушкинский отрывок из «Руслана и Людмилы»: «...у лукоморья дуб зелёный», где дуб есть олицетворение бытия, символ страны, жизни, истории.

Природа – есть часть бытия, лучшая часть души человека, его двойник, второе «я». Природа для человека аксиологична:

*Полночной порой в болотной глуши
Чуть слышно, бесшумно, шуршат камыши.
О чём они шепчут? О чём говорят?
Мелькают, мигают – и снова их нет.
И снова забрезжил блуждающий свет.
Полночной порой камыши шелестят.
В них жабы гнездятся, в них змеи свистят.
В болоте дрожит умирающий лик.
То месяц багровый печально поник.
И тиной запахло. И сырость ползёт.
Трясина заманит, сожмёт, засосёт.
«Кого? Для чего?» – камыши говорят, –
Зачем огоньки между нами горят?
Но месяц печальный безмолвно поник.
Не знает. Склоняет всё ниже свой лик.
И, вздох повторяя погибшей души,
Тоскливо, бесшумно, шуршат камыши»*

(К. Бальмонт) [11, с. 45].

В годы промышленного подъёма России, в начале XX в., когда активистская форма мировоззрения уже даёт о себе знать, с природой перестали церемониться. Однако она остаётся по-прежнему

трансцендентальной и одновременно сакральной и телесно близкой. Поэзия удивительным образом соединила трансцендентное с миром чувств, мир феноменов и ноуменов. «Вещь-в-себе» заговорила языком поэзии.

Не изменилось отношение к ней и в годы советской власти, индустриализации и коллективизации, хотя появляется экзистенциальная усталость, надлом. Николай Заболоцкий пишет:

*О, полезная природа,
Исцели страданья наши,
Дай частицу кислорода,
Или две частицы даже...*

(Н. Заболоцкий) [13, с. 401]

В годы войны природа восстала вместе с народом против агрессора. В.И. Вернадский в своём дневнике 1941 г. отмечает, что ноосфера не потерпит фашистской агрессии и присоединится к защитникам. Сильные морозы под Москвой и Сталинградом действительно оказали помощь Красной Армии.

Китайский диктатор Мао однажды сказал, что у каждого поколения должна быть своя война. Как ни странно, в его словах нет цинизма, наоборот, здесь сосредоточие восточной мудрости. Дело в том, что войну можно пережить, прочувствовать до состояния присутствия (сила воздействия представления о реальности равняется воздействию самой реальности), и тогда у человека появится ответственность за мир, бытие. Если забыть о войне, она сама напомнит о себе, и тогда целое поколение будет участвовать в войне уже реальной. Поэтому без всякой аллегории можно сказать, что поэзия, конкретнее поэзия о войне, есть забота человека о бытии, а мировосприятие есть миропонимание.

Послевоенная поэзия содержит в себе пафос победы, оптимизм по отношению к будущему, между тем здесь всё-таки звучит трагизм бытия:

*Много видевший, много знавший,
Знавший ненависть и любовь,
Всё имевший, всё потерявший
И опять всё нашедший вновь.
Вкус узнавший всего земного
И до жизни жадный опять,
Обладающий всем и снова
Всё стремящийся потерять».*

(Д. Кедрин) [13, с. 176].

И снова спасительная природа, человек доверяет именно ей, чем другому:

*Я не умру, мой друг. Дыханием цветов
Себя я в этом мире обнаружу.*

*Многовековый дуб мою живую душу
Корнями обовьёт, печален и суров.
В его больших листах я дам приют уму,
Я с помощью ветвей свои взлелею мысли,
Чтоб над тобой они из тьмы лесов повисли,
ты причастен был к сознанию моему».*
(Н. Заболоцкий) [13, с. 13]

Поэзия шестидесятников попыталась вернуть-ся в бытие природы, очиститься от вулгарного социального, поработавшего её в годы сталинизма, и заново осмыслить существование человека:

*Я учился траве, раскрывая тетрадь,
И трава начинала как флейта звучать.
Я ловил соответствия звука и цвета,
И когда запевала свой гимн стрекоза...*
(А. Тарковский) [13, с. 30]

*Или вот Е. Евтушенко:
Меня не станет – солнце встанет,
и будут люди и земля
и если кто меня вспомнит,
то это – Родина моя.*
(Е. Евтушенко) [13, с. 75]

Здесь вспоминается А. Шопенгауэр: «...поэт вообще – всечеловек: всё, что только волновало когда-нибудь сердце человека и что в разные моменты воссоздаёт из себя природа человеческого духа, всё, что живёт и зреет в человеческой груди, всё это – его сюжет, его материал, а сверх того – его вся остальная природа» [14, с. 410].

Современное восприятие мира, напротив, характеризуется расколом, расколом между человеком и обществом, расколом между человеком и природой и расколом человеком и природой. Современный человек возводит в абсолют одиночество, однако тоска по утраченной гармонии сопутствует его одиночеству. Этот мотив звучит в лирике Дмитрия Александровича Пригова:

*Прозрачные сосны стояли.
Меж нами стояли прекрасные ели.
Но всё это было когда-то вначале,
Когда мы и ахнуть ещё не успели.
Всё это по-прежнему где-то стоит,
Но мы уже мимо всего пролетели
И мимо сосны, что прозрачна на вид,
И мимо прекрасной и памятной ели
Куда ж мы спешили-летели?
И где отошли от летучего сна? –
Да там, где уже не прозрачна сосна
И где не прекрасны, но памятны ели.*
(Пригов) [14, с. 155]

В целом мировосприятие русского человека, отражённое и проговорённое русской поэзией, пропитано пантеизмом и гилозоизмом, преклонением перед природой, с одной стороны, и тягой к вечности, с другой. Человек созерцательно смотрит на природу, любой акт действия человека коррелирует с природным бытием: человек делает что-либо совместно с природой или во имя природы. Тема защиты природы и человека становится актуальной в русской литературе II половины XX в., конкретнее в текстах «деревенщиков» (Ф. Абрамов, В. Распутин и В. Белов), которые выступили против нарушения установленной веками гармонии между человеком и природой, обусловившей разрушение традиционного быта, уклада, дегуманизацию человека. Кроме того, русский человек воспринимает бытие через землю:

*Когда умру, ты отошли
Письмо моей последней тётке,
Зипун залатанный, обмотки
И горсть той северной земли.*
(Николай Майоров) [13, с. 157]

Экономическое, политическое, социальное для русского мировосприятия есть поверхностный уровень бытия. Если в европейском экзистенциализме человек в пограничной ситуации стоит на краю перед ничто, то в русском самосознании ничто отсутствует, есть только бытие, как когда-то утверждал Парменид. Для полноты бытия ничто в русском сознании не требуется. В русской речи, фольклоре, сказках, поэзии применяется термин – пустота. В словаре В. Даля, например, более ста словообразований, в основе которых слово «пусто». Одно из определений пустоты – «полость внутри чего-либо» [15, с. 1420]. Русская религиозность так и осталась пантеистична, русская религиозная философия, например, у В. Соловьёва, по замечанию В. Зеньковского, «пантеистична – и в этом причина того внутреннего искривления христианского учения о Богочеловеке» [16, с. 486], последующие русские философы также не смогли избавиться от такого наследия.

Если человек Востока имеет созерцательный тип восприятия мира, человек западный – активистский, то русский человек созерцателен по духу и активен по форме. Причём созерцательность его онтологична, а активность гносеологична и требует огромных усилий, а также внешнего воздействия, толчка. Так, под угрозой вооружённого захвата или экономической экспансии, когда явно заметно становится отставание России от Запада, проводились и проводятся все реформы. Лишь старообрядчество, которое отказалось от внешних контактов,

живёт по принципу автаркии сотни лет. И в наше время нередко встречаются люди активные, успешные, которые бросают свою работу, сворачивают активность и уходят «назад в природу». Но кто-то только мечтает об этом, других бессознательно тянет природа, третьи боятся прислушиваться к себе, погружаясь в ещё большую активность и тем самым бегут от себя. Отношение русского человека к природе естественно и не требует её культивирования. Упорядоченные английские и французские парки не вписываются в ландшафт русской природы и строение души русского человека. В русской природе, как и в душе русского человека, должен быть довольно значительный элемент хаоса и незавершённости. Должно быть место, пусть небольшое, пустоты – для человеческого творчества, присутствия. И это место будет дисгармонировать с остальным, со всеобщим. Однако данная дисгармония видна только со стороны или после долгой саморефлексии. Такая ситуация для русского человека в порядке вещей, у него собственная, в пике западноевропейской, шкала ценностей. Достаточно сравнить усадьбу русского крестьянина или садовый участок российского горожанина с аналогичным на Западе и на Востоке, чтобы убедиться в этом. Это же озвучено русской поэзией:

*Всё рожь кругом, как степь живая
Ни замков, ни морей, не гор
Спасибо, сторона родная!
За твой врачующий простор».*
(Н. Некрасов) [17, с. 675]

Итак, в русской поэзии обнаруживаются глубинные ценности человека, которые в наше время прорываются сквозь техногенную цивилизацию и постмодернистскую культуру:

*Всё на земле живёт порукой круговой:
Созвездье, и земля, и человек, и птица.
А кто служил добру, летит вниз головой
В их омут царственный / и смерти не боится.
Он выплывет ещё и сразу, как пловец,
С такою влагою навеки породнится,
Что он и сам сказать не сможет, наконец,
Звезда он, иль земля, иль человек,
Иль птица.*
(А. Тарковский) [13, с. 116-117]

Поэзия как предвидение

Предвидением, предсказанием будущего люди занимались с древности. Потребность предвидения возникла с появлением представления человека о прошлом, настоящем и будущем. Изначально

предвидение было монополизировано жрецами и пророками и являлось их профессиональной деятельностью. С зарождением философии и науки предвидение и прогнозирование перестаёт быть прерогативой жречества. Как известно, первый древнегреческий философ Фалес (так называют его Аристотель) рассчитал солнечное затмение, которое произошло в срок, и «по наблюдению звёзд» предсказал урожай маслин. Так прогнозирование и предвидение будущего становится одной из функций философии, а позднее и науки в целом. Между тем, прогностическая сущность философии может быть обозначена напрямую (например, платоновский проект идеального государства и утопии Томаса Мора и Томмазо Кампанеллы) или латентно, неявно (философы, создавая свои метафизические системы и закрепляя в них определённые этические нормы как вечные идеалы, тем самым указывали путь в будущее).

Однако к большинству прогнозов общество относится подчас более чем прохладно, они представляют лишь академический интерес. Пожалуй, исключением можно назвать марксистский коммунистический проект, который два века будоражил мировое сообщество и более того реально изменил мир. В целом можно констатировать, что «многие из прежних, ранее удовлетворяющих людей ответов на вопрос об их будущем уже показали свою несостоятельность, другие ухватывают лишь отдельные стороны и фрагменты возникающего на наших глазах будущего миропорядка» [18, с. 3].

Предвидение – одна из сторон поэзии. Поэзия и поэты всегда привлекали общество мистическим предвидением будущих событий. Этот феномен рассматривает Д. Мережковский, анализируя творческую биографию М. Лермонтова. Русский мыслитель в контексте лермонтовского творчества приводит гностическую легенду, в которой говорится об отношении земного мира к небесной войне, когда Михаил и ангелы на небе воевали против Дракона и его ангелов, и был низвержен великий Дракон. Ангелам, сделавшим окончательный выбор между станами, не надо рождаться, потому что время не может изменить их вечного решения. Но колеблющихся между светом и тьмой благодать Божия посылает в мир, чтобы они сделали во времени выбор, не сделанный в вечности. Эти ангелы – души людей рождающихся. Та же благодать скрывает от них прошлую вечность, для того, чтобы раздвоение, колебание воли в Вечности прошлой не предвещало того уклона, от которого зависит спасение или гибель в Вечности будущей. Вот почему так естественно мы думаем о том, что будет с нами после смерти, и не умеем, не можем, не хотим думать о том, что было до рождения. Нам

надо забыть, откуда – для того чтобы яснее понимать – куда.

Таков общий закон мистического опыта. Исключения из него редки, редки те души, для которых поднялся угол страшной завесы, скрывающей тайну... [19, с. 388].

Одна из таких душ – Михаил Лермонтов. В пятнадцать лет он пишет:

*И я счёт своих лет потерял
И крылья забвенья ловлю
Как я сердце унести бы им дал,
Как бы вечность им бросил мою!
В шестнадцать:
На месте казни, гордый, хоть презренный,
Я кончу жизнь мою.
В семнадцать:
Я предузнал мой жребий, мой конец,
Кровавая меня могила ждёт.*
(М.Ю. Лермонтов) [20, с. 359-362]

Другой русский поэт А. Блок в 1903 г. провидчески говорит:

*– Всё ли спокойно в народе?
Нет. Император убит.
Кто-то о новой свободе
На площадях говорит...
– Кто же поставлен у власти?
– Власти не хочет народ.
Дремлют гражданские страсти
Слышно, что кто-то идёт.
– Кто ж он, народный смиритель?
– Тёмен, и зол, и свиреп:
Инок у входа в обитель
Видел его – и ослеп.*
(А. Блок) [21, с. 60]

Н. Бердяев в «Новом средневековье» также отмечает мистическое предвиденье поэтов: «Тютчев глубже, чем думают. Он – вещее явление. Он предшественник ночной исторической эпохи, провидец её. Поэтом наступающей ночи был и А. Блок» [22].

Особенно «массово» поэтические предчувствия надвигающей беды возникают в переломные моменты истории, в периоды гибели отживших политических систем и империй. Между тем большинство членов общества, т.е. массовый человек, оптимистически глядят на будущее, «хотят перемен» и не прислушиваются к тревожным ноткам поэзии. Вот как описывает такие ожидания поэт Г. Иванов: «...Наши чудо-богатыри, разбив вероломных немцев, осуществят “заветную народную мечту” – Крест над св. Софией, – и все само уладится, войдет в берега, все станет опять как при миро-

творце-родителе: “когда русский царь ловит рыбу”, Европа – да и Россия, само собой разумеется, – “может подождать...”». Или вариант того же самого, но либерально-оппозиционный: «...Наши доблестные войска в дружном единении с великими демократиями Запада... исторические права России на проливы... Николая с царицей уберут. Михаил Александрович – конституционный регент. И всё устроится, уляжется, всё пойдёт, как в Великобритании...». Или же революционный вариант: «Освободившись от гнёта самодержавия, свободный русский народ с удвоенной энергией... до победного конца... без аннексий и контрибуций... и всё устроится: “хозяйин земли русской” – Учредительное собрание, избранное прямым, всеобщим, тайным... провозгласит республику...» [23, с. 612]. Схожие по оптимизму настроения были у советских людей в годы перестройки.

Философом-оптимистом в первые годы первой мировой войны был и Н.А. Бердяев: «...борьба за проливы не есть борьба за отвлеченную справедливость, это – борьба за историческое бытие, за повышение исторической ценности... Я верю, что мировое преобладание России и Англии повысило бы ценности исторического бытия человечества, способствовало бы объединению Востока и Запада и дало бы простор всякому индивидуально историческому существованию» [24, с. 271-272].

В целом поэзия оказалась подчас более пророческой, чем размышления известных философов. Не отстали от своих предшественников и советские поэты. «Мы в дикую стужу в разгромленной мгле стоим на летящей куда-то земле – философ, солдат и калека, над нами восходит кровавой звездой и свастикой черной и ночь на седой середине двадцатого века», – поэт Владимир Луговской пишет эти строчки в 1929 г. [25, с. 351].

Ранее, в 1926 г., в эмиграции во Франции, Саша Чёрный:

*Баварский бравый генерал,
На карту ткнув перстом в Урал,
Изрёк: «Мы здесь отточим в миг
Немецкий штык и красный штык...
И зычно грянет за Ламани
Наш лозунг пламенный – реванш!...
Но попугай, раскрывши зрак,
Из клетки крикнул вдруг: «Дурак!».*
(Саша Чёрный) [26, с. 530]

В 50-е гг. XX в. Владимир Уфлянд заглядывает в Соединённые Штаты XXI в.:

*Меняется страна Америка.
Придут в ней скоро Негры к власти.
Свободу, что стоит у берега,*

*под негритянку перекрасят...
А Саша Чёрный будет славиться.
И каждый Белый будет первым
При встрече с Негром
Негру кланяться.*

(В. Уфлянд) [27]

Однако мистический покров предвидения поэзии исчезает, как только мы обратимся к психологическим особенностям поэтов, их душевному складу, сознанию, когда окунемся в их историческое бытие и проанализируем всё то, что порождает творческую интуицию. Поэты, как правило, невротические личности, характеризующиеся повышенной сенсорикой, чуткостью, наличием навязчивых переживаний и страхов. Они ощущают то, что обыденные здоровые люди не замечают – все колебания биосферы, мельчайшие изменения смены настроения общества, на которые само общество ещё не реагирует. Недаром Л. Карсавин сравнивает поэта с ребёнком: «Поэт-дитя. Из страданий своих, из омытых слезами падений сплетает он себе венок. Играя, его надевает; смеётся лучшим в мире смехом – смехом сквозь слёзы» [28, с. 460]. Чувствительность поэтов не блокирована социумом как у большинства людей; они открыты бытию и историческое бытие видят так же, как и настоящее. Поэтому то, что поэты проговаривают своим творчеством, то, что для них есть видимое и слышимое (объём информации в поэзии намного больше, чем в обыденной речи [29, с. 23]), то для большинства звучит как откровение. В этом отношении можно говорить об интуиции поэзии, о её прогностическом характере. Никакими медиумами они, конечно, не являются, о чем и говорит Ф. Ницше в своей работе «Рождение трагедии из духа музыки», критикуя А. Шопенгауэра по поводу мистицизма поэзии.

Современный критик И. Шайтанов, анализируя творчество Леонида Мартынова, отмечает, что его поэзия есть «посланница и предвестница разума, устанавливающая отношения, находящая соответствия там, куда рассудку ещё нет хода» [30, с. 171], подкрепляя аргументы филологическим учением А.А. Потебни [31, с. 623].

Поэзия не просто передаёт ощущение времени, но и личностную позицию поэта, его оценку времени и истории. Память – важнейший этический компонент в творчестве трёх самых значительных художников – А. Ахматовой, Н. Гумилева и О. Мандельштама [3, с. 9]. Личное отношение к бытию – есть отношение общественное, поэт выражает чувства многих – Я это Мы. Поэзия не просто схватывает чувственный мир, но и пытается его преобразовать своим воображением. «Художественное творчество, как и познание, не есть отражение дей-

ствительности, оно всегда есть прибавление к действительности ещё небывшего» [32, с. 449].

*Я жить хочу совсем не так, как все,
Живущие как белка в колесе,
Ведущий свой рабий хоровод,
Боящиеся в бурях хора вод.
Я жить хочу крылато как орёл.
Я жить надменно, как креол,
Разя, грозя поехам и скользя
Меж двух соединившихся нельзя.
Я жить хочу как умный человек,
Опередивший на столетье век,
Но кое в чём вернувшийся назад
По крайней мере, лет на пятьдесят.
Я жить хочу как подобает жить
Тому, кто в мире может ворожить
Сплетеньем новым вечно старых нот, –
Я жить хочу, как жизнь сама живёт!*

(И. Северянин) [33, с. 237]

Поэзия и гуманизм

Поэзия, как трехгранная призма, остротётно входит в бытие, разрывая её, проникая в такие глубины, на которые не способен никто, кроме мудрецов и философов. В поэзии лучи бытия преломляются таким образом, что, принимая форму метафор и аллегорий, выходят из призмы в разные стороны. Боковые стороны – обращены к читателям – современникам, верхняя часть устремлена в будущее – послание потомкам. Поэтому читатель может увидеть, почувствовать одновременно и прошлое и настоящее, заглянуть в будущее и совершить кьеркегоровский прыжок.

*Боже зимних небес, отче звезды горящей,
словно её костер в черном просторе!
В сердце бедном моём, словно рассвет на чащу.
Горе кричит на страсть, ужас кричит на горе.
Не оставляй меня! Ибо земля всё шире...
Правды своей не прячь! Кто я? – пришёл,
исчезну.
Не оставляй меня! Странник я в этом мире
Дай мне в могилу пасть, а не сорваться в бездну.*

(И. Бродский) [34]

Человек входит в ритм стиха, который сложен из внутреннего ритма поэта и пульса времени поэта. Отмечено, что в годы стабильности поэзия находится как бы в тени литературы, а на первое место выходит проза. Напротив, во времена перемен поэзия заполняет многочисленные аудитории от кафе до стадионов, её ритм созвучен ритму слушателей и времени. Но всё же такой взгляд несколько

поверхностен – поэзия всегда актуальна, она всегда в ритме времени, но к ней надо прислушаться, а в годы стабильности чувства людей притуплены, не находят адекватного понимания общества. Поэзия всегда гражданственна и представляет оппозиционность государству, устоявшимся законам и традициям, которые отчуждают человека от человека, от подлинных гуманистических ценностей. Поэтому понятны призывы и грека Платона, и русского критика Каткова к цензуре поэзии как подрывающей устои государства: «Охраняя общественные пути от физического насилия, не обязано ли то же правительство охранять общество от насилия нравственных?» [35, с. 88].

Поэзия вызывает у творческого человека те же эмоции, что и при соприкосновении с реальностью. Раскрепощаются все чувства, человек соперничает, в этом смысле поэзия экзистенциальна, живёт своей жизнью, но в её глубинах жизнь истории. Обладая такой силой воздействия, история в поэзии обретает новую силу – Отечественная война 1812 г. сохранилась в памяти через стихотворение М. Лермонтова «Бородино». Но для одних – это лишь информация в удобной форме запоминания, для других – это переживание истории. Поэзия не отражает историю, а переживает её заново.

Поэзия – это мостик между мироощущением и мировоззрением, в ней есть переход от чувственно-го восприятия к аналитическому размышлению.

*Думать надо о смысле
Бытия, его свойстве.
Как себя мы ни числи
Что мы в этом устройстве
Кто мы по отношению
К саду, морю, зениту?
Что является целью,
Что относится к быту?
Что относится к веку
К назначенью, к дороге
И блуждая по свету
Кто мы всё же в итоге?»*

(Д. Самойлов) [12, с. 354-355]

Таким образом, поэзия является результатом переживания бытия. «Жизнь свою человек – говорящий, именуемый, определяющий, судящий, поющий, живописующий, строящий – не просто проживает, как любое живое существо, не просто переживает (в смысле – испытывает) её страхи, тяготы, сладости и горечи и не просто способен выражать свои переживания. Он переживает по-человечески, поскольку, переживая, также и присутствует при переживании. Поэзия и есть одна из высших форм присутствия духа...» [36, с. 567]. Человек, прикоснувшись к поэзии, познаёт прошлое, настоящее, самого себя. Поэт – зеркало человечества, и в сознание человечества приводит он то, что оно чувствует и делает.

Список литературы:

1. Аристотель. Соч.: в 4 т. Т. 4. М.: Мысль, 1984. 830 с.
2. Ортега-и-Гассет Х. Две главные метафоры [Электронный ресурс]. URL: <http://orel.Rsl.ru/nettext/foreing/Ortega-igasse/kant.html>.
3. Поэзия серебряного века: в 2 т. Т. 2. М.: Дрофа, 2004. 270 с.
4. Ницше Ф. Рождение трагедии из духа музыки. М.: Пушкинская библиотека, 2004. 83 с.
5. Сапгир Г.В. Складень. М.: Время, 2008. 392 с.
6. Ясперс К. Философия. Кн. 1. Философское ориентирование в мире. М.: Канон+, 2012. 384 с.
7. Розанов В. Метафизика христианства. М.: АСТ, 2000. 864 с.
8. Белинский В.Г. Стихотворения М. Лермонтова. М.Ю. Лермонтов: pro et contra. СПб.: РХГИ, 2002. 1080 с.
9. Фромм Э. Дзэн-буддизм и психоанализ. М., 1997. 160 с.
10. Лермонтов М.Ю. Полн. собр. соч. Т. 1. М.: ОГИЗ, 1948. 394 с.
11. Бальмонт К.Д. Избранное. М.: Сов. Россия, 1989. 592 с.
12. Аннинский Л.А. Красный век: Эпоха и поэты: в 2 кн. Кн. 1. Серебро и чернь. Медные трубы. М.: ПРОЗАИК, 2009. 432 с.
13. Русская поэзия второй половины XX века. М.: Дрофа, 2005. 238 с.
14. Шопенгауэр А. Мир как воля и представление. Мн.: Харвест, 2007. 848 с.
15. Даль В. Толковый словарь живого великорусского языка Владимира Даля. СПб.-М.: О. Вольф, 1907. 1420 с.
16. Зеньковский В.В. История русской философии. Харьков: Фолио, 2001. 896 с.
17. Некрасов Н.А. Полн. собр. стихотворений и поэм в одном томе. М.: АЛЬФА-КНИГА, 2011. 1117 с.
18. Пантин В.И. Философия исторического прогнозирования: ритмы истории и перспективы мирового развития в первой половине XXI века. Дубна: Феникс, 2006. 480 с.
19. Мережковский Д.С. В тихом омуте. Статьи и исследования разных лет. М.: Советский писатель, 1991. 388 с.
20. Д.С. Мережковский. Поэт сверхчеловечества. М.Ю. Лермонтов: pro et contra. СПб.: РХГИ, 2012. 1080 с.
21. Блок А.А. Стихотворения. Поэмы. Воспоминания современников. М.: Правда, 1989. 592 с.
22. Бердяев Н.А. Новое средневековье [Электронный ресурс]. URL: <http://www.magister.msk.ru/library/philos/berdyayev/berdn010.htm>.
23. Иванов Г.К. Китайские тенги: мемуарная проза. М.: АСТ, 2013. 778 с.
24. Бердяев Н.А. Судьба России. М.: АСТ, 2004. 333 с.

25. Аннинский Л.А. Красный век: Эпоха и поэты: в 2 кн. Кн. 1. Серебро и чернь. Медные трубы. М.: ПРОЗАиК, 2009. 432 с.
26. Чёрный Саша. Полн. собр. стихотворений и поэм в одном томе. М.: АЛЬФА-КНИГА, 2012. 953 с.
27. Уфлянд В. [Электронный ресурс]. URL: <http://www.ufland.narod.ru/stixi.htm>.
28. Карсавин Л.П. Путь православия. М.: АСТ, 2003. 557 с.
29. Лотман Ю.М. Об искусстве. СПб.: Искусство СПб., 2005. 430 с.
30. Шайтанов И. Дело вкуса: Книга о современной поэзии. М.: Время, 2007. 171 с.
31. Потебня А.А. Психология поэтического и прозаического мышления. Слово и миф. М.: Правда, 1989. 623 с.
32. Бердяев Н.А. Смысл творчества [Электронный ресурс]. URL: http://odinblago.ru/smisl_tvorchestva.
33. Северянин И. Стихотворения. Серия XX век: Поэт и время. М., 1990. 237 с.
34. Бродский И. Прощальная ода [Электронный ресурс]. URL: <http://stihi-klassikov.ru/content/proshchalnaya-oda>.
35. Катков М.Н. Идеология охранительства. М.: Институт русской цивилизации, 2009. 800 с.
36. Ахутин А.В. Рубеж XX века. Поворотные времена. СПб.: Наука, 2005. 567 с.
37. Гуревич П.С. Музыка надзвездная // Филология: научные исследования. 2013. № 3. С. 283-288. DOI: 10.7256/2305-6177.2013.3.9607.
38. Антонова Е.М. Поэтическое вопрошание Мартина Хайдегера // Филология: научные исследования. 2012. № 4. С. 51-58.
39. Антонова Е.М. Переоценка поэтического слова. Мартин Хайдегер и «поэтическое мышление» // Филология: научные исследования. 2013. № 1. С. 36-42. DOI: 10.7256/2305-6177.2013.01.5.

References (transliterated):

1. Aristotel'. Sochineniya: v 4 t. T. 4. M.: Mysl', 1984. 830 s.
2. Ortega-i-Gasset Kh. Dve glavnye metafory [Elektronnyi resurs]. URL: <http://orel.Rsl.ru/nettext/foreing/Ortega-i-gtasse/kant.html>.
3. Poeziya serebryanogo veka: v 2 t. T. 2. M.: Drofa, 2004. 270 s.
4. Nitsche F. Rozhdenie tragedii iz dukha muzyki. M.: Pushkinskaya biblioteka, 2004. 83 s.
5. Sapgir G.V. Skladen'. M.: Vremya, 2008. 392 s.
6. Yaspers K. Filosofiya. Kn. 1. Filosofskoe orientirovanie v mire. M.: Kanon+, 2012. 384 s.
7. Rozanov V. Metafizika khristianstva. M.: AST, 2000. 864 s.
8. Belinskii V.G. Stikhotvoreniya M. Lermontova. M.Yu. Lermontov: pro et contra. SPb.: RKhGI, 2002. 1080 s.
9. Fromm E. Dzen-buddizm i psikoanaliz. M., 1997. 160 s.
10. Lermontov M.Yu. Pol. sobr. soch. T. 1. M.: OGIZ, 1948. 394 s.
11. Bal'mont K.D. Izbrannoe. M.: Sov. Rossiya, 1989. 592 s.
12. Anninskii L.A. Krasnyi vek: Epokha i poety: v 2 kn. Kn. 1. Serebro i chern'. Mednye truby. M.: PROZAIK, 2009. 432 s.
13. Russkaya poeziya vtoroi poloviny XX veka. M.: Drofa, 2005. 238 s.
14. Shopengauer A. Mir kak volya i predstavlenie. Mn.: Kharvest, 2007. 848 s.
15. Dal' V. Tolkovyy slovar' zhivogo velikorusskogo yazyka Vladimira Dal'ya. SPb.-M.: O. Vol'f', 1907. 1420 s.
16. Zen'kovskii V.V. Istoriya russkoi filosofii. Khar'kov: Folio, 2001. 896 s.
17. Nekrasov N.A. Poln. sobr. stikhotvoreniy i poem v odnom tome. M.: AL'FA-KNIGA, 2011. 1117 s.
18. Pantin V.I. Filosofiya istoricheskogo prognozirovaniya: ritmy istorii i perspektivy mirovogo razvitiya v pervoi polovine XX veka. Dubna: Feniks, 2006. 480 s.
19. Merezhkovskii D.S. V tikhom omute. Stat'i i issledovaniya raznykh let. M.: Sovetskii pisatel', 1991. 388 s.
20. D.S. Merezhkovskii. Poet sverkhchelovechestva. M.Yu. Lermontov: pro et contra. SPb.: RKhGI, 2012. 1080 s.
21. Blok A.A. Stikhotvoreniya. Poemy. Vospominaniya sovremennikov. M.: Pravda, 1989. 592 s.
22. Berdyayev N.A. Novoe srednevekov'e [Elektronnyi resurs]. URL: <http://www.magister.msk.ru/library/philos/berdyayev/berdn010.htm>.
23. Ivanov G.K. Kitaiskie tengi: memuarnaya proza. M.: AST, 2013. 778 s.
24. Berdyayev N.A. Sud'ba Rossii. M.: AST, 2004. 333 s.
25. Anninskii L.A. Krasnyi vek: Epokha i poety: v 2 kn. Kn. 1. Serebro i chern'. Mednye truby. M.: PROZAIK, 2009. 432 s.
26. Chernyi Sasha. Poln. sobr. stikhotvoreniy i poem v odnom tome. M.: AL'FA-KNIGA, 2012. 953 s.
27. Uflyand V. [Elektronnyi resurs]. URL: <http://www.ufland.narod.ru/stixi.htm>.
28. Karsavin L.P. Put' pravoslaviya. M.: AST, 2003. 557 s.
29. Lotman Yu.M. Ob iskusstve. SPb.: Iskusstvo SPb., 2005. 430 s.
30. Shaitanov I. Delo vkusa: Kniga o sovremennoi poezii. M.: Vremya, 2007. 171 s.
31. Potebnya A.A. Psikhologiya poeticheskogo i prozaicheskogo myshleniya. Slovo i mif. M.: Pravda, 1989. 623 s.
32. Berdyayev N.A. Smysl tvorchestva [Elektronnyi resurs]. URL: http://odinblago.ru/smisl_tvorchestva.
33. Severyanin I. Stikhotvoreniya. Seriya XX vek: Poet i vremya. M., 1990. 237 s.
34. Brodskii I. Proshchal'naya oda [Elektronnyi resurs]. URL: <http://stihi-klassikov.ru/content/proshchalnaya-oda>.
35. Katkov M.N. Ideologiya okhranitel'stva. M.: Institut russkoi tsivilizatsii, 2009. 800 s.
36. Akhutin A.V. Rubezh XX veka. Povоротnye vremena. SPb.: Nauka, 2005. 567 s.
37. Gurevich P.S. Muzyka nadzvezdnaya // Filologiya: nauchnye issledovaniya. 2013. № 3. S. 283-288. DOI: 10.7256/2305-6177.2013.3.9607.
38. Antonova E.M. Poeticheskoe voproskanie Martina Khaidegera // Filologiya: nauchnye issledovaniya. 2012. № 4. S. 51-58.
39. Antonova E.M. Pereotsenka poeticheskogo slova. Martin Khaideger i «poeticheskoe myshlenie» // Filologiya: nauchnye issledovaniya. 2013. № 1. S. 36-42. DOI: 10.7256/2305-6177.2013.01.5.